

ОГОНЁК

№ 5 (1182)

29 ЯНВАРЯ 1950

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

28-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

СВЕТЛЫЙ ТАЛАНТ

(К 90-летию со дня рождения А. П. Чехова)

Антон Павлович Чехов — любимый писатель в нашей стране. И любовь к нему растет с каждым днем. Однажды в деревне Елдино, Завидовского района, Калининской области, мне довелось беседовать с престарелым колхозником Александром Петровичем Уколовым. Заядлый читатель, знакомый с русскими и западными классиками, Александр Петрович сказал о Чехове:

— Каждый год его почитываю. Удивительный писатель! Знаешь, каким он представлялся мне раньше, в старое время? Лицо строгое, ходит с палочкой по деревням и городам, людей беспокоит, стучит в окна: «Не так живете, черти полосатые! Лучше жить надо!» И глаза у него умные, добрые. Он меня как бы вперед толкает. Пробирает тебя здорово, а не обидно, потому что критика-то справедлива. — Старик помолчал, закурил трубку и добавил: — В ином чеховском рассказе больше смысла, нежели в толстом романе. Бывает так, что писатель говорит, говорит, потом герои начнут болтать на десятках страниц, а прочтешь книгу — туман в голове. Не знаешь, куда гнет автор. У Чехова все кратко и ясно. Он каждое слово тебе в душу кладет. И слова-то весомые, мудрые!

Таких отзывов о Чехове я слышал в деревнях много, от людей разных возрастов и профессий. С одинаковым упоением читают его старики и комсомольцы, трактористы и звеньевые, агрономы и пастухи.

Чеховым восхищался Лев Толстой. Достоинство Чехова он видел в том, что творчество его «понятно и сродно не только всякому русскому, но и всякому человеку вообще... И благодаря искренности его он создал новые, совершенно новые, по-моему, для всего мира формы письма, подобных которым я не встречал нигде. Его язык — это необычайный язык. ...он один из тех редких писателей, которых, как Диккенса и Пушкина и немногих подобных, можно много, много раз перечитывать, — я это знаю по собственному опыту...»

Л. Толстой безусловно прав насчет «необычайности» чеховского

языка. Но свежесть и сила этого языка обусловлены не только искренностью. Чехов был великим тружеником. Всю жизнь он упорно работал над словом, добиваясь предельного лаконизма, точности, совершенства формы.

Теперь мы знаем творческую лабораторию А. Чехова. Опубликованы черновые записи, дневники, множество писем, где он касается вопросов литературного мастерства.

Чехов был яростным врагом шаблонов и общих мест. «По моему мнению, описания природы должны быть весьма кратки...» — говорил он. — Общие места, вроде: «заходящее солнце, купаясь в волнах темневшего моря, заливалось багровым золотом» и проч. «Ласточки, летая над поверхностью воды, весело чирикали», — такие общие места надо бросить. В описаниях природы надо хвататься за мелкие частности, группируя их таким образом, чтобы по прочтении, когда закроешь глаза, дала картина. Например, у тебя получится лунная ночь, если ты напишешь, что на мельничной плотине яркой звездочкой мелькало стеклышко от разбитой бутылки и покатила шаром черная тень собаки, или волка и т. д.»

На этом творческом принципе созданы А. Чеховым картины русской природы в таких вещах, как «Степь», «Черный монах», «Мужики», «В овраге», «Попрыгунья» и десятках других рассказов.

А. Чехова всегда возмущали рутинность приемов в описании, штампованные фразы в книгах современников, провинциализмы и «шикарные» словечки.

В письме к А. Лазареву-Грузинскому он советует: «Засим стройте фразу, делайте ее сочной, жирной, а то она у вас похожа на ту палку, которая просунута сквозь закопченного сига... Надо, чтобы каждая фраза, прежде чем лечь на бумагу, пролежала в мозгу дня два и обмаслилась». В письме к Л. Авиловой: «Язык у вас изысканный, как у стариков. Для чего это вашей героине понадобилось ощупывать палкой прочность поверхности снега? И зачем прочность? Точно дело идет о сюртуке или мебели...»

В интереснейших письмах к молодому М. Горькому А. Чехов говорит о «неудобстве» иностранных, некоренных русских слов в рассказах, о недопустимости сложных определений, метафор, длинных периодов, вычурных фраз.

Чеховская переписка позволяет нам постичь «тайну» мастерства великого писателя. Он сознательно стремился к высокой простоте, прозрачности стиля. Переиздавая уже напечатанное ранее, похваленное критикой, он вновь и вновь шлифовал язык рассказов. В письме к А. Суворину (1889 год) мы читаем: «Приготовляю материал для третьей книжки. Черкаю безжалостно. Странное дело, у меня теперь мания на все короткое. Что я ни читаю — свое и чужое, все пред-

ставляется мне недостаточно коротким».

Образец чеховского лаконизма — рассказ «Ионыч». Какое огромное содержание вложено в маленькую новеллу о жизни захолустного русского городка! Через описание — в несколько строк! — способа передвижения доктора Старцева (пешком, на паре, на тройке с бубенцами) великолепно показано превращение бедного разночинца в жирного, преуспевающего обывателя, похожего в пролетке на «языческого бога».

А «Дама с собачкой», «Дом с мезонином», «По делам службы», «Невеста»! Здесь каждая строчка исполнена глубочайшим смыслом, работает каждое слово! Когда вчитываешься в эти шедевры мастерства, Чехов кажется кудесником, магом искусства. И самое поразительное в том, что он не выдумывает «новых» слов. Из обычных, простых слов рождаются тончайшие интонации, возникают трогающие сердце образы, картины.

Мы помним описание вечера в рассказе «Красавицы»: «...облака в беспорядке толпятся на горизонте и солнце, прячась за них, красит их и небо во всевозможные цвета: в багряный, оранжевый, золотой, лиловый, грязно-розовый; одно облачко похоже на монаха, другое на рыбу, третье на турка в чалме. Заревом охватило треть неба, блещит в церковном кресте и в стеклах господского дома, отсвечивает в реке и в лужах, дрожит на деревьях».

А вот в чеховских письмах речной пейзаж: «Очень красивые буксирные пароходы, тащущие за собою по 4—5 барж; похоже на то, как будто молодой изящный интеллигент хочет бежать, а его за фалды держат жена-кувалда, теща, свояченица и бабушка жены».

Или описание Иртыша: «...мутные валы с белыми гребнями со злобой хлещут по нему и тотчас же отскакивают назад, точно им гадко прикасаться к этому неуклюжему, осклизлому берегу, на котором, судя по виду, могут жить одни только жабы и души больших грешников. Иртыш не шумит и не ревет, а похоже на то, как будто он стучит у себя на дне по гробам».

С таким же лаконизмом и такою же выразительностью Чехов давал внешний портрет человека, душевные переживания, картину городской жизни, села, жанровую сцену. Поразительно богатство чеховских красок, оттенков, интонаций живой речи в диалогах! Каждый герой его рассказов имеет свое неповторимое лицо, свой язык.

Дореволюционные критики напели немало вздора о «безидейности» Чехова, о равнодушии его к судьбам своих героев, об отсутствии идеалов. Какая это неправда!

По темпераменту А. Чехов не был борцом типа М. Горького. Это верно. Но дружба Чехова и

Горького знаменательна; ее основа — общность воззрений на мир, на человека, на Россию, на задачи искусства. Перечитайте подряд книги того и другого писателя, и вы почувствуете, как сливаются их «разные и хорошие» голоса в могучем дуэте певцов борьбы за переделку мира, за человеческое счастье.

А. Чехов признавался, что ему не хватает щедринской ненависти и злости для изобличения язв и пороков николаевской Руси. Это верно лишь отчасти. Разве врожденная «мягкость» помешала ему создать неуязвимые образцы сатиры и юмора в «Человеке в футляре», «Унтере Пришибеяе», «Хамелеоне» и других вещах?

Чехов был писателем-патриотом, воспитанным на традициях Белинского и Герцена, Чернышевского и Добролюбова. Все его творчество пронизано горячей любовью к родине и народу. «Палатой № 6» и «Злоумышленником», «Мужиками» и «Новой дачей», десятками мелких рассказов писатель утверждал единственную мысль: так дальше жить нельзя!

С каким презрением говорит он в рассказе «Крыжовник» о людях, душевно ожиревших, примирившихся с пошлостью, погрязших в житейской суете, отклязавшихся от борьбы, о жалких либералах-постепеновцах!

Герой «Крыжовника» заявляет: «Я соображал: как в сущности много довольных, счастливых людей! Какая это подавляющая сила! Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильных, невежество и скотоподобие слабых, кругом бедность невозможная, теснота, вырождение, пьянство, лицемерие, вранье... Между тем во всех домах и на улицах тишина, спокойствие; из пятидесяти тысяч, живущих в городе, ни одного, который бы вскрикнул, громко возмущился».

Чехов всею силой своего таланта призывал читателей «громко возмутиться». Призывал к действию! Умный читатель понимал Чехова с полуслова. Мы знаем, какое потрясающее впечатление произвела «Палата № 6» на молодого В. И. Ленина. И не случайно Ленин позднее так часто цитировал Чехова. Не случайно иногда обращается для иллюстрации своих мыслей к чеховским образам И. В. Сталин.

М. Горький сказал о Чехове: «Хорошо вспомнить о таком человеке, тотчас в жизнь твою возвращается бодрость, снова входит в нее ясный смысл».

Именно бодрость и ясный смысл! Чехов навсегда зарядил нас ненавистью к нытикам, пессимистам и хмурым людям. Его враги были и остаются нашими врагами.

Книги Чехова всегда будут с нами. Они нетленны, ибо созданы гениальным художником, который думал о счастье народном и творил для народа.

Иван АРАМИЛЕВ